

Мори Сан

Брак

Вераники

Греси

18+

Мори Сан
Брак Вераники

«Автор»

2026

Сан М.

Брак Вераники / М. Сан — «Автор», 2026

Вероника считала себя счастливицей — стремительный роман, пышная свадьба, старинный особняк в тихом пригороде. Муж Роман щедр, внимателен и так любит её, что просит оставить работу и посвятить себя семье. Но идиллия рушится в первую же ночь после переезда: под окном кухни она находит глубокие следы грубых ботинок, а среди цветов — оранжевый стикер с единственным словом: «БЕГИ». Роман объясняет всё странностями соседского сына и усталостью после свадьбы. Однако следы появляются снова. Силуэт в капюшоне возникает в саду по ночам. А наутро на теле нет ни царапины, и муж смотрит на неё с ледяным спокойствием, будто проверяет, готова ли она усомниться в себе. Когда реальность начинает двоиться, а любимый человек превращается в молчаливого наблюдателя, Вероника задаётся вопросом: кто на самом деле преследует её — таинственный незнакомец или собственный муж, шаг за шагом стирающий грань между заботой и контролем?

© Сан М., 2026

© Автор, 2026

Мори Сан Брак Вераники

Пролог

“Лёд не может быть теплым.
Да, но иногда он обжигает как огонь.”

Руки, что ласкали словно прибой, могут сжаться так сильно на твоём горле, что воздух станет песком. А хрип, что ты издашь, вызовет лишь улыбку.

Он знал, кто я. Я не знала, кто он. Вот и все. В этом вся проблема. Моя проблема.

Глава 1

— Почему ты плачешь? Разве я тебя обидел? — Он ласково провел пальцами по русым прядям, выбившимся из-за уха, пригладил их и отстранился, заглядывая в глаза.

— Я счастлива. Не могу сдержать слёз. Мы так быстро пришли к этому, что я до сих пор не верю. Свадьба, гости — всё позади, и теперь мы вместе...

Я огляделась. Гостиная тонула в мягком, чуть золотистом свете, лившемся сквозь высокие окна от пола до потолка.

За стеклом простирался сад — ухоженный, но ещё дикий по краям: кусты белых роз, усыпанные бутонами, мощёная дорожка, убегаящая к старой яблоне, и море зелени, уходящей к невысокой каменной ограде.

В воздухе пахло деревом и едва уловимо — моими духами. Я всё ещё не могла поверить, что Роман купил этот дом для нас — так быстро, словно всё было решено задолго до того, как я сказала «да».

— Я ещё не показал тебе главный свадебный подарок, — он прищурился, и в уголках глаз собрались лёгкие морщинки. Улыбка вышла мягкой, но что-то в ней — или в том, как медленно он растягивал слова, — заставило меня замереть.

— Ну же, не тяни!

Я схватила его за руку, приплясывая на месте от нетерпения. Пальцы сжались на его запястье — тёплом, знакомом. Он чуть качнулся вперёд от моего рывка, но не сдвинулся с места, только тихо засмеялся.

— Второй этаж. Дверь в конце коридора.

— Ты не пойдёшь со мной? — Я удивилась искренне. Даже руку его выпустила.

— Я устал. Посажу внизу.

Он уже отворачивался, стягивая с плеч пиджак — медленно, будто тот весил целую тонну. Я проводила его взглядом до кресла у окна, чувствуя, как возбуждение мешается с крошечным, ещё не оформившимся в мысль уколом. А потом сорвалась к лестнице — босиком, пока ступени не отозвались глухим деревом под пятками.

Я замерла перед дверью, прижав ладонь к деревянной филёнке — та оказалась прохладной, чуть шершавой. Зачем-то закрыла глаза. Попыталась представить, что ждёт за ней. Сердце колотилось где-то в горле, а воображение рисовало то одно, то другое: зеркальную комнату, гардеробную, залитую светом спальню с огромной кроватью. Я глубоко вдохнула и резко, не позволяя себе больше медлить, нажала на ручку.

Дверь распахнулась.

Мастерская. Белые стены, залитые мягким северным светом из мансардного окна. Два мольберта — один большой, второй поменьше, у стены. Чистые холсты, стопка грунтованных досок, наборы масляных красок, акварель в кюветах, пастель, графитные карандаши в жестяной банке. Банки с кистями — колонок, белка, щетина, веерные, круглые, плоские. Всё новое, нетронутое, ждущее.

А на деревянном столе у окна стояла ваза. Стеклянная, пузатая, а в ней — шесть ярко-оранжевых апельсинов с глянцевой, чуть пупырчатой кожурой.

Я замерла на пороге, чувствуя, как горячая волна поднимается от груди к лицу. Конечно. Он запомнил. Одно из первых свиданий у меня дома. Я тогда ещё жила в съёмной двушке с вечно скрипящими половицами. Он пришёл к семи, а я, как дура, уже битый час расставляла натюрморт на кухонном столе — та самая ваза, те самые апельсины.

«Сиди так, — сказала я, усаживая его напротив. — Не двигайся». Он не двигался почти час. Сидел и смотрел, как я рисую его быстрыми, жадными мазками: тень от скулы, свет на переносице, апельсины на переднем плане — яркие, как маленькие солнца. Смотрел так, что у меня дрожали пальцы.

А потом он поднялся, подошёл ко мне сзади, и этюдник был забыт. Я даже не поняла, как оказалась сидящей на краю того самого кухонного стола.

Его ладони под моей футболкой, мои пятки на его пояснице. Стол скрипнул, дёрнулся под нами, и стеклянная ваза с глухим звоном опрокинулась — апельсины покатались по полу, разбегаясь в разные стороны, как оранжевые бильярдные шары.

Один закатился под табурет, другой — к плинтусу. Я засмеялась прямо в его поцелуй, а он даже не посмотрел вниз. Только пробормотал что-то низкое, с хрипотцой, и прижал меня крепче, сгребая мои волосы в кулак.

Теперь другая ваза. Другая комната. Другой дом.

Я стояла в новой мастерской, смотрела на апельсины и чувствовала, как прошлое дышит в затылок — тепло и немного страшно. Он помнил всё. И это было похоже на подарок. Или на предупреждение.

Я сбежала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку — сердце колотилось от восторга, хотелось кинуться ему на шею, зацеловать, выдохнуть тысячу «спасибо» в тёплую кожу. Я уже представляла, как он засмеётся, как подхватит меня, как...

И замерла на последней ступени.

Он сидел в кресле у окна. В пальцах — бокал с коньяком, янтарная жидкость едва колыхалась. Но не это меня остановило. Его глаза — прищуренные, холодные, чужие. Лицо казалось высеченным из камня: желваки проступили, челюсть сжата, взгляд направлен куда-то сквозь стену. Я не узнавала его. Совсем.

Внутри что-то сжалось — быстро, резко, как захлопнувшаяся дверь. Мелькнула мысль, которую я гнала от себя все эти недели: три месяца. Всего три месяца. Не поспешила ли я?

А потом он обернулся.

Увидел меня — и лицо преобразилось мгновенно. Холод растаял, как не было. Глаза потеплели, улыбка тронула губы — та самая, от которой у меня всегда подгибались колени. Он похлопал ладонью по своему бедру, приглашая.

Я выдохнула — кажется, только сейчас заметила, что не дышала всё это время, — пересекла комнату и опустилась на его колени. Его руки сомкнулись на моей талии, мои — на его плечах. И когда наши губы встретились, тревога отступила.

Глава 2

Я не слышала, как он ушёл. Просто проснулась — и половина кровати уже была холодной. Одеяло с его стороны откинута, на подушке — едва заметная вмятина. Ни записки, ни звука шагов, ни хлопка входной двери. Он умел исчезать бесшумно.

Мобильник завибрировал на тумбочке. Я нащупала его вслепую.

— Ты ещё спишь? — голос Марины звучал бодро, даже слишком для десяти утра. — Мы же договаривались! Я хочу видеть этот твой особняк.

Точно. Сегодня. Она предупреждала ещё на свадьбе. Я села в постели, прогоняя остатки сна.

— Дай мне полчаса.

Через пятнадцать минут я уже стояла на кухне, обхватив ладонями горячую кружку. Кофе пах орехами и кардамоном — видимо, Роман купил хороший сорт. Я обвела взглядом пространство и вдруг засмеялась вслух. Эта кухня была больше, чем вся моя прошлая квартира.

Взгляд упал на пустую вазу в центре обеденного стола — простую, из прозрачного стекла, без единого украшения. Надо бы нарезать цветов в саду и поставить в неё. Там как раз цвели гортензии — пышные, кремово-розовые, тяжёлые от утренней росы. Комната сразу станет живой.

Марина должна была прийти с минуты на минуту. Я допила кофе и улыбнулась.

Подруга ворвалась в дом как летний ураган — шумная, стремительная, с горящими глазами. Рядом с ней я всегда чувствовала себя чуть бледнее, чуть тише, и дело было не только в характере. Она — жгучая брюнетка с карими, почти чёрными глазами, смуглой кожей и вечной улыбкой на пол-лица. А я — бледная, русая, с голубыми глазами, которые она называла «фарфоровыми». Мы стояли в прихожей, и зеркало напротив отражало нас обеих — контраст настолько резкий, что хотелось рассмеяться.

— Ну показывай! — потребовала она, сбрасывая босоножки.

Я не успевала. Марина оббегала комнату за комнатой с такой скоростью, будто боялась, что дом исчезнет. Гостиная вызвала у неё приглушённый восторженный стон, лестница — комментарий про «чёртовый дворец», а когда она заглянула в мою мастерскую, то просто замерла на пороге и выдохнула:

— Твою ж...

— Ага, — только и сказала я.

На кухне она наконец остановилась. Оперлась ладонями о мраморный остров, обвела взглядом шкафы, окно в сад, гортензии за стеклом, и вынесла вердикт:

— Вероника, ты сорвала джекпот.

Я смутилась. Отвела взгляд, провела пальцем по краю кружки. Фраза резанула, хоть я и понимала, что Марина не со зла.

— Я вышла за него не из-за денег, Марин. Я люблю его. Правда люблю.

Марина склонила голову набок, прищурилась — точь-в-точь как в студенчестве, когда я несла какую-нибудь чушь, — и улыбнулась тепло, но с хитрецей.

— Тогда это двойной джекпот, подруга. Любовь и особняк. Бывает же такое.

Она засмеялась, и я за ней — чуть тише, но искренне. А в груди всё равно остался крошечный холодок. Не из-за её слов. Просто я вдруг вспомнила вчерашний взгляд Романа — прищуренный, мрачный, чужой. И улыбка вышла чуть бледнее, чем хотелось.

Но Марина уже не смотрела на меня. Она разглядывала пустую вазу на столе.

— Слушай, а давай цветов нарежем? Вон их сколько в саду. Будет чем заняться.

Я кивнула, допила остывший кофе и повела её к задней двери, радуясь, что можно больше не говорить о деньгах, свадьбе и о том, как быстро всё случилось.

Наши мысли, как всегда, совпали. Стоило мне подумать про цветы — и вот Марина говорит о том же. Какими бы разными мы ни были, наши мысли отражались друг в друге, как деревья в гладкой воде озера. Я усмехнулась про себя и, не найдя садовых ножниц, прихватила со стола огромный кухонный нож. Тяжёлый, с широким лезвием — для разделки мяса, а не для цветов, но не хотелось тратить время на поиски.

Мы вышли в сад через заднюю дверь. Утренняя роса ещё не высохла, трава блестела под солнцем, и через несколько шагов Марина начала ворчать.

— Я, конечно, понимаю, что сад только ваш, но это просто джунгли, — она приподняла подол лёгкого платья, брезгливо оглядывая мокрые босоножки. — Я обута, между прочим, не для ботаники. У меня ноги уже совсем промокли. И подошва скользит постоянно, я сейчас грохнусь.

Я шла босиком. Трава щекотала ступни, земля была прохладной и влажной, и я вдруг почувствовала себя ребёнком — маленькой Вероникой, которая бегала по бабушкиной даче, не думая о том, что платье испачкается, а волосы растреплются. Только вместо бабушкиной дачи — особняк. И вместо детства — замужество, в которое я до сих пор не могла поверить.

Марина оступилась на скользкой подошве, взмахнула руками и ухватилась за моё плечо.

— Вот видишь! — возмутилась она. — Никакого ухода. Наймите садовника.

Я обернулась на дом. Окна блестели под солнцем, и за одним из них — тёмным, на втором этаже — мне на секунду почудилось движение. Но это был всего лишь блик.

— Обязательно, — сказала я, сжимая нож и направляясь к цветам. — Я обязательно приведу сад в порядок, безо всяких садовников.

Я шагнула к кухонному окну, возле которого цвели приглянувшиеся мне розовые гортензии. Не поморщившись, пробралась босиком по холодным от росы сорнякам к самому отливу — мокрые стебли хлестали по щиколоткам, но я почти не замечала. И тут же замерла.

Увиденное выбило из головы всё.

Сломанные ветви. Тяжёлый, вдавленный след — рифлёная подошва, слишком крупная для женской ноги, слишком глубокая. Следы свежие, ночные: земля ещё не подсохла, края не осыпались. Примятая трава не успела распрямиться. И цветы — сломанные, лежали тут же, в грязи. Совсем ещё живые, не завяли, соцветия влажно поблёскивали, будто их смяли только что.

Я стояла и рассматривала, чувствуя, как холод от земли поднимается выше — к коленям, к животу, к горлу.

Вытоптанная площадка — полукруговая, прямо под окном. Кто-то стоял здесь. Долго. Может, вжимался лицом в стекло, прикрывая ладонью дыхание. Но как он пробрался? Я обернулась, обвела взглядом сад, и внутри всё сжалось: больше нигде не было видно следов. Ни примятой травы, ни сломанных веток на подходе. Только эта площадка, словно человек упал с неба прямо под окно и так же бесследно исчез.

Я перехватила нож покрепче. Пальцы заледенели. Гортензии, которые я хотела срезать, качнулись от ветра, и одна из них коснулась моего запястья — холодная, мокрая, почти как мёртвая кожа. Я отдёргнула руку.

— Вероника! Ты там что, уснула? — голос Марины донёсся откуда-то из-за поворота сада.

Я не ответила. Просто смотрела на следы и думала о том, что Роман ночью не выходил из спальни. Я не слышала шагов. Я вообще ничего не слышала.

— Тут следы, — сказала я, не оборачиваясь. Голос прозвучал глухо, будто сад приглушал звуки. — Кто-то стоял под окном. Иди сюда, посмотри.

— Не пойду, — отозвалась Марина откуда-то со стороны дорожки. — Может, рабочие топтались. Может, нужно было что-то починить. Или Рома твой перед работой подходил, заглянуть на кухню. Режь цветы и возвращайся. У меня уже ноги замёрзли, а там полно мокрой травы.

Я нахмурилась и снова опустила взгляд на вдавленный след. Рифлёный отпечаток подошвы — чёткий, глубокий, совсем не похожий на тот след, что оставляют туфли.

— Рома носит туфли на работу, — проговорила я тихо, скорее себе, чем ей. — А здесь ботинки.

Марина не ответила. Может, не расслышала. А может, ей было всё равно.

Я уже собиралась выпрямиться, когда заметила его — скомканный оранжевый листок стикера, почти втоптаный в землю у самого отлива. Мокрый, полупрозрачный от влаги, он покрылся грязью, и я прошла бы мимо, если бы не всматривалась так внимательно. Я наклонилась, подняла его двумя пальцами, стараясь не порвать. Осторожно, почти не дыша, принялась расправлять — мокрая бумага тянулась и грозила расползтись, но мне удалось развернуть листок целиком.

Он был пуст. Ни буквы, ни цифры, ни намёка на чей-то почерк.

Я перевернула его, поднесла ближе к глазам — может, след от ручки, вдавленная линия? Ничего. Просто оранжевый квадратик, попавший под чужой ботинок.

— Вероника! — голос Марины врезался в тишину. — Ты там корни пускаешь?

Я сунула стикер в карман, подобрала с земли нож и срезала три ближайšie ветки — быстро, почти зло. Соцветия тяжело легли в ладонь, и вода с них закапала на голые ступни.

— Иду, — крикнула я, разворачиваясь на голос.

Мы сидели на кухне, и пар от горячего кофе поднимался к высокому потолку. Цветы уже стояли в вазе — пышные, источающие тонкий аромат, замершие. Марина наконец согрелась, обхватив кружку обеими ладонями, и смотрела на меня с тем самым прищуром, который не предвещал ничего хорошего.

— Слушай, а над чем ты сейчас работаешь? — спросила она. — У тебя же до свадьбы был тот проект, лофт на Патриарших. Сдали?

Я покачала головой и отпила глоток, прежде чем ответить.

— Я пока не беру новые проекты. Роман попросил взять паузу на пару месяцев. Чтобы после свадьбы больше времени проводить с ним.

Повисла тишина. Марина поставила кружку на стол — слишком аккуратно, как ставят, когда хочется стукнуть.

— То есть ты сидишь дома, пока он на работе? — уточнила она ровным голосом.

— Марин...

— Вероника, ты знаешь, как тяжело искать новых клиентов после таких простоев. У тебя только-только заработало сарафанное радио. Ты полгода без выходных пахала, чтобы пошли нормальные заказы. А теперь — что? Берёшь паузу, потому что муж попросил?

— Он хочет побыть вместе, — я понимала, что повторяюсь, и голос звучал всё менее убедительно.

— Милая моя, — Марина подалась вперёд, и карие глаза полыхнули, — он сам сегодня ушёл на работу. В восемь утра, если я правильно понимаю. А ты должна сидеть и ждать его до вечера, попутно теряя клиентов? Зачем тебе рисковать карьерой ради того, что он даже не разделяет с тобой?

Я молчала. Возразить было нечего — в её словах звенела та самая неприятная правда, которую я гнала от себя. Но где-то на краю сознания шевельнулась мысль, которую я никогда не произнесу вслух: «Тебе хорошо, Марин. Ты никого не любишь. Вот влюбишься — поймёшь».

Мысль была колючей и несправедливой, но я за неё зацепилась. Потому что иначе пришлось бы признать, что Роман просит от меня слишком много.

Я перевела взгляд на извилистые узоры камня столешницы и пожала плечами.

— Я подумаю над этим, — сказала я вслух.

Марина выдохнула, явно недовольная таким уклончивым ответом, но продолжать не стала.

День прошёл в приятных, почти медитативных заботах — из тех, что не требуют думать, а просто занимают руки. Я разбирала коробки с вещами, раскладывала одежду в гардеробной, попутно удивляясь, сколько у меня, оказывается, ненужного. Вышла в сад — уже без ножа, просто подышать — и незаметно для себя прополола кусок клумбы у задней двери, выдирая мокрые сорняки, пока пальцы не заныли от холода. Потом долго лежала в ванне, глядя, как пар оседает каплями на высоком потолке, и думала о новой картине. Ближе к вечеру приготовила ужин: стейки, салат, бутылку красного — он любил красное. На плите тихо булькал соус, и кухня пахла розмарином и мясом.

К пяти я села у окна и стала ждать.

В шесть ожидание сделалось почти магическим — осязаемым, вязким, как нагретый воздух перед грозой. Я без конца поправляла волосы: убирала за ухо, распускала, снова убирала. Подошла к столу и проверила, как лежат приборы, — ровно ли, на одинаковом ли расстоянии от тарелок. Добавила салфетки. Тканевые, серые, в тон скатерти. Переставила вазу с гортензиями на полметра левее. Потом вернула обратно.

В семь я начала считать. Достала телефон, открыла карту, проложила маршрут от его офиса до дома. Пятнадцать километров. Со всеми светофорами, пробками и ожиданием на перекрёстках выходило не больше получаса. Тридцать минут. Ну, сорок, если он заезжал за чем-нибудь.

Я отложила телефон и сказала себе: такие деньги не заработаешь с восьми до пяти. Он просто задержался из-за дел. У него важная должность, много встреч, звонков, решений. Ему нельзя просто встать и уйти в пять. Я это понимала. Правда, понимала.

Ближе к восьми за окном сгустились сумерки. Соус на плите застыл, я давно выключила конфорку. Свет в гостиной горел, и от этого окна превратились в чёрные зеркала, в которых я видела только себя — женщину с голубыми глазами и слишком прямой спиной, сидящую за накрытым столом в пустом доме.

Воображение сделало своё дело. Сперва мелькнула картинка: скорая на обочине, мигалки, искореженный капот. Я зажмурилась, прогоняя её. Потом другая: телефонный звонок, незнакомый голос, осторожный, поставленный — такие голоса бывают только у тех, кто сообщает плохие новости. «Соболезнуем, но...»

Я встала резко, едва не опрокинув стул. Сердце бухало где-то в висках. Схватила телефон, проверила экран — ни пропущенных, ни сообщений. Тишина.

Тогда я набрала ему сама.

Вопреки нашему уговору. Не звонить на работу — так мы договорились ещё когда только встречались. Тогда я тоже работала, и работала много: проекты, заказчики, бесконечные правки по ночам. Звонки отвлекали, казались чем-то излишним, почти навязчивым. Мы оба так считали. И я сама дала этому правилу зелёный свет — легко, без колебаний, уверенная, что мне оно никогда не помешает.

Сейчас я пожалела об этом так остро, что перехватило дыхание.

Гудки шли один за другим — длинные, ровные, безразличные. Я стояла у окна, вглядываясь в тёмный сад, и мысленно умоляла его поднять трубку. Ну же. Ответь. Скажи, что задержался. Что пробки. Что забыл предупредить. Что угодно.

На четвёртом гудке — сброс.

Я опустила телефон и уставилась на погасший экран. Внутри что-то оборвалось — тонко, почти беззвучно. И в ту же секунду за окном послышался шорох шин по гравию. Знакомый, мягкий хруст.

Я положила мобильный на стол и выдохнула — шумно, с облегчением, почти со стоном. Фары скользнули по стене гостиной, высветили край стола, цветы в вазе, мои босые ступни на прохладном полу. Хлопнула дверца машины. Потом — шаги по дорожке.

Я подошла к зеркалу в прихожей, поправила волосы — уже, наверное, в сотый раз за вечер — и заставила себя улыбнуться. Чтобы он не увидел. Чтобы не спросил, почему я выгляжу так, будто последний час умирала от страха.

Глава 3

Дверь распахнулась, и он вошёл — с порога, шумный, улыбающийся, с огромным букетом белых пионов в одной руке. От него пахло улицей, прохладой и чем-то неуловимо чужим — то ли чужим офисом, то ли чужими духами. Он сразу шагнул ко мне, но уже через секунду его улыбка чуть дрогнула.

— Что с лицом? — спросил он, вглядываясь. — Ты какая-то...

— Какая? — я улыбнулась, хотя щёки уже занемели от этой улыбки за вечер.

— Натянута. — Он сунул мне букет в руки, и пионы пахнули густо, сладко, почти тошнотворно. — Я задержался. Прости, маленькая. Разгребал дела, которые накопились за свадьбу. Ты же знаешь, меня не было почти неделю.

Я кивнула. Всё звучало разумно. Даже слишком.

Он уже снимал пиджак и вдруг замер, заметив на кухонном столе две кофейные чашки — мою и Маринину. Потом перевёл взгляд на вазу с гортензиями, которых утром ещё не было.

— У нас кто-то был? — спросил он, и голос прозвучал легко, почти рассеянно, но я слишком хорошо его знала, чтобы не заметить: он удивился.

— Марина заезжала. Посмотреть дом.

— Марина? — он приподнял бровь. — Так скоро после свадьбы? Мы ведь всего ничего женаты. Я думал, мы договорились, что первое время — только мы вдвоём.

— Она просто хотела увидеть, как мы устроились. Это же Марина.

Он прошёл к столу, взял одну из чашек — пустую, — покрутил в пальцах, поставил обратно.

— И о чём вы говорили? — спросил он, глядя не на меня, а на вазу, словно сетуя, что ее занимают не его пионы, а жалких три ветки из сада. — Наверняка обсуждали дом. И меня. И то, как тебе здесь живётся.

Я пожала плечами, стараясь, чтобы голос оставался ровным.

— Дом. Сад. Мои проекты. Она поинтересовалась, над чем я сейчас работаю.

— А ты?

— Я сказала, что взяла паузу. Что ты попросил.

Он усмехнулся — коротко, без веселья.

— И что Марина? Осудила?

Я промолчала, и этого молчания хватило. Роман подошёл ко мне и взял за плечи.

— Послушай, — сказал он мягко, — я не хочу, чтобы ты чувствовала себя запертой. Но Марина... У неё никого нет, а ты теперь замужем. Она боится, что ты станешь уделять ей меньше внимания, и поэтому цепляется. А я... я просто хотел, чтобы ты отдохнула. Перевела дух после всех проектов и этой безумной подготовки к свадьбе. Чтобы ты встречала меня дома полная сил и весёлая, а не уставшая после работы. Разве это плохо?

Я хотела возразить — про то, как почувствовала себя домашним питомцем в ожидании хозяина, — но его ладони были тёплыми и тяжёлыми, а слова ложились гладко, как галька в ладони. И я сказала не то, что собиралась.

— Ром, Марина права. Мне не стоит сидеть дома и ждать тебя. Ты работаешь, я — нет. Это странно. Я теряю клиентов, а ты... ты просто работаешь. Как сегодня. И, наверное, завтра. И послезавтра.

Он помолчал. Прощёлся пальцами по моим плечам — всё ещё мягко, но так, что не вырваться.

— Ты хочешь вернуться к проектам?

— Я хочу не сходить с ума, пока тебя нет.

Он смотрел на меня несколько секунд, и в его глазах мелькнуло что-то — не раздражение, скорее, расчёт. А потом улыбнулся.

— Хорошо. Если для тебя это важно — возвращайся. Только не сразу. Отдохни хотя бы неделю. Идёт?

Я кивнула. Он поцеловал меня в лоб и ушёл наверх переодеваться, а я осталась в прихожей, прижимая к груди пионы и понимая, что так и не сказала ему про следы под окном. Просто не успела.

Я поставила тарелку в микроволновку. Та загудела, завертелась, а я подошла к окну, чтобы задёрнуть шторы. Сумерки за окном сгустились почти до черноты, и кухня отражалась в нём, как в мутном зеркале: я сама — бледное пятно, позади — жёлтый свет ламп, пар над чайником.

И тут сердце ухнуло в пятки.

За стеклом, в нескольких сантиметрах от моего лица, стоял силуэт. Чёрный, плотный, с головой и плечами. Слишком близко, чтобы померещилось. Слишком реальный.

Я отшатнулась. Воздух застрял в горле. А потом внутри что-то взорвалось — не страх, а злость. Ну уж нет. Это уже слишком.

Я пулей вылетела в прихожую, босиком, не помня себя. Входная дверь грохнула о стену. Холодный воздух обжёг щёки, гравий впился в голые пятки, но я неслась, не чувствуя боли. За угол дома, по мокрой траве, прямо к кухонному окну.

Остановилась.

Никого. Только ветер качнул ветку гортензии, и та мазнула по стеклу, по тому самому месту, где только что стоял он. На земле — уже знакомый вытоптаный полукруг. И в центре него — ярко-оранжевый стикер. Свежий. Сухой. Его не было здесь днём.

Я наклонилась, схватила его. На этот раз он не был пуст. Чёрным маркером, неровным, будто второпях, почерком было выведено одно слово:

«Беги».

Я выпрямилась, сжимая листок в кулаке. Сердце колотилось так, что звенело в ушах. Я резко обернулась, вглядываясь в сгустившуюся тьму сада. Кусты, яблоня, каменная ограда. Ни движения, ни шагов, ни хруста веток. Тишина — глубокая, вязкая, как вода.

Где-то в доме хлопнула дверь — кажется, Роман спустился из спальни. Я вздрогнула и, не думая больше ни секунды, сунула стикер в карман. Туда же, где до сих пор лежал первый, пустой.

И пошла обратно. Медленно. Стараясь дышать ровно.

Я зашла в кухню, всё ещё чувствуя, как колотится сердце, и с порога столкнулась с мужем. Он стоял, опершись бедром о столешницу, и медленно вытирал руки полотенцем. Видимо, спустился сразу после душа: влажные волосы потемнели, футболка прилипла к плечам. Взгляд скользнул по мне — растрёпанной, босой, с грязными пятками — и остановился на моих глазах.

— Зачем ты ходила на улицу? — спросил он. Голос прозвучал спокойно, но полотенце замерло в руках.

Я перевела дыхание. Воздух ещё охлаждал горло после уличной сырости.

— Происходит что-то странное. — Я сглотнула. — Я не успела тебе рассказать. Ночью под окном кто-то топтался. Я видела следы утром. А сейчас... — Я кивнула на тёмное стекло. — Он снова там стоял. Смотрел. Я выбежала, но он уже скрылся.

Роман вдохнул — глубоко, размеренно — и покачал головой. Не так, как качают, услышав пугающую новость. Скорее как человек, который вспомнил что-то досадное, но не страшное. Он отложил полотенце на столешницу и шагнул ко мне, кладя ладони мне на плечи.

— Я совсем забыл, — проговорил он с лёгкой усмешкой, будто извиняясь за пустяк. — Я должен был тебе рассказать раньше. Просто вылетело из головы — столько всего навалилось со свадьбой.

Я нахмурилась.

— Рассказать о чём?

— При покупке дома прежние хозяева предупреждали. — Он чуть сжал мои плечи, то ли успокаивая, то ли удерживая. — У соседей сын болен. Аутизм.

— Аутизм не болезнь, — машинально поправила я.

Он моргнул. Чуть склонил голову набок.

— Да, конечно. Расстройство. Синдром. Неважно. — Он отпустил меня и отошёл к столу, взял бутылку вина, которую я открыла для ужина, налил себе в бокал. — Ему нравится этот сад. Он постоянно сюда пролазит. Увлекается насекомыми или вроде того. Ты же видела — сад неухоженный, дикий. Для него это целый заповедник.

Я молчала, переваривая. Соседский мальчик. Аутизм. Сад. В голове крутилась картинка: силуэт за стеклом, плотный, высокий, совсем не детский. Но я не успела его толком разглядеть.

— Прежним хозяевам он не мешал, — продолжал Роман, делая глоток. — Тут жила пожилая супружеская пара. Они привыкли. Но они сказали, что, если мальчик будет доставлять неудобства, можно просто поговорить с его матерью. Без скандала, без полиции. По-человечески.

Он произнёс это так просто, так обыденно, что на секунду мне стало стыдно за свою панику. Правда. Мальчик. Ночью. Под окном. Но ведь мальчик.

— Почему ты не сказал мне раньше? — спросила я тихо.

— Забыл, — он развёл руками. — Честное слово, Ника. Дом, свадьба, переезд. Вылетело. Прости.

Я посмотрела на тёмное окно. Стекло уже не отражало ни силуэта, ни движения — только я, Роман с бокалом вина и кухня, залитая тёплым светом. В микроволновке звякнул таймер. Ужин разогрелся.

— Ты хочешь, чтобы я поговорила с его матерью? — спросила я.

Роман подошёл, протянул мне бокал — свой, с недопитым глотком, — и улыбнулся уголком губ.

— Я хочу, чтобы ты не боялась. Это просто соседский мальчик. Он не опасен. А если тебе будет спокойнее — да, поговори с ней. Или давай сходим вместе.

Он притянул меня за плечи и поцеловал в висок — тепло, почти невесомо. Я прижалась лицом к его футболке. От неё пахло гелем для душа, домом, им. И на секунду я почти поверила.

Почти.

Потому что в кармане у меня лежали два оранжевых стикера. Один — пустой. И второй — со словом, которое не пишут соседские мальчики, увлечённые насекомыми.

Ужин прошёл прекрасно. Даже удивительно — после всего, что случилось за день.

Роман много шутил: рассказывал про коллегу, который перепутал важные документы и отправил клиенту черновик с пометкой «чушь какая-то» вместо финальной версии. Я смеялась в голос, запрокидывая голову, и на секунду поймала себя на мысли, что впервые за день по-настоящему расслабилась. Он тоже хохотал — низко, раскатисто, и в эти минуты казался совсем простым, домашним, своим.

Потом он внимательно выслушал мои идеи по саду. Я показывала в окно, размахивала руками, объясняя, где посадить лаванду, где проложить дорожку из гравия к яблоне, а где поставить скамейку-качели — я видела такую в журнале и влюбилась. Он кивал, задавал уточняющие вопросы, даже полез в телефон за фотографиями, и я вдруг осознала, что говорю «мы»: «мы посадим», «мы сделаем», «у нас будет». И от этого становилось тепло.

Когда тарелки опустели, а вино в бокалах согрелось до комнатной температуры, он вдруг поднялся, обошёл стол и одним движением подхватил меня на руки. Я взвизгнула от неожиданности.

— Ром! Отпусти!

— Ни за что.

Я болтала ногами и делала вид, что вырываюсь, но смех мешал, а его руки держали крепко и бережно. Он понёс меня к лестнице, а я уткнулась лицом в его плечо, вдыхая запах его кожи.

В спальне горел мягкий, приглушённый свет ночника. Он опустил меня на кровать — не бросил, а именно опустил, как хрупкую вещь, — и навис сверху, упираясь локтями по обе стороны от моей головы. Несколько секунд просто смотрел. Его пальцы прошли по моей скуле, заправили прядь за ухо, скользнули ниже — по шее, ключице, плечу. Медленно, изучающе, словно он хотел запомнить каждый сантиметр заново.

Я прикрыла глаза.

Он раздевал меня неторопливо: сперва бретелька сарафана, потом вторая. Ткань соскользнула вниз, и его губы прошли по тому же пути, что до этого — пальцы. Плечо. Ключица. Ямка у горла, где бился пульс. Я выгнулась ему навстречу, и он тихо засмеялся в мою кожу — тёплым дыханием, щекотным и пьянящим.

Всё, что он делал, было наполнено вниманием. Каждое движение — неспешное, выверенное, подстроенное под мой вздох и выдох. Когда становилось слишком остро — он отстранялся на секунду. Когда я тянулась к нему — он отзывался сразу, без игры, без мучительных пауз. Он знал, что мне нужно. Всегда знал.

В какой-то момент я перестала понимать, где кончается моё тело и начинается его. Только жар, только ритм, только его голос — низкий, хриловатый, повторяющий моё имя снова и снова.

А после, когда всё схлынуло и я лежала, прижавшись щекой к его влажной груди, он накрыл нас обоим одеялом и провёл ладонью по моим волосам — медленно, размеренно, от макушки к лопаткам. Я почти уплыла в сон, когда услышала его шёпот:

— Ты моя. Вся. Целиком.

Я не ответила. Только прижалась теснее.

И уже засыпая, подумала о том, что в кармане моего халата, забытого внизу, лежат два оранжевых стикера. Но эта мысль была далёкой, приглушённой, почти нереальной. Как следы под окном. Как слово «беги». Как всё, что не имело значения, пока его руки обнимали меня, а сердце стучало так близко.

Я заснула.

Глава 4

Земля не отпускала. Влажная, вязкая, она дышала холодом и жадно всасывала босые ступни — каждый шаг давался с трудом, будто сад не хотел меня выпускать. Кусты тянулись ко мне, царапали плечи колючими ветками, цеплялись за подол сорочки. Трава оплетала лодыжки, длинные стебли змеились по щиколоткам, влажные и цепкие, как пальцы.

Я остановилась и медленно, боясь увидеть то, что не хотела бы увидеть, огляделась.

Сад. Но не тот — не утренний, залитый солнцем, с пушистыми соцветиями и запахом свежей травы. Этот сад был другим: чужим, мрачным, утонувшим в густой, почти осязаемой темноте. Даже цветы — те самые гортензии, что я срезала утром, — теперь казались бледными, размытыми лицами, застывшими в немом крике. Они смотрели. Все они смотрели. А каменные столбы ограды высились за ними, как надгробия — неровные, замшелые, вросшие в землю.

Я обернулась к дому, ища спасения.

Окна были слепы. Чёрные, без единого отблеска, без искры света — словно дом умер. Или уснул таким глубоким сном, из которого не добудиться. Я не помнила, как здесь оказалась. Не помнила, зачем вышла. Последнее, что осталось в памяти, — тёплое одеяло, его руки, его дыхание на моём затылке. А теперь — это. Холод. Ночь. Чужой сад.

Панический ужас ударил не сразу — сперва он подкрался, как ледяная вода, поднимающаяся от щиколоток к животу. Задрожали пальцы — мелко, противно, не слушаясь меня. Живот стянуло ледяной петлёй. Дыхание сбилось, стало коротким и рваным. А потом ужас накрыл целиком — горячей, слепой волной, от которой внутри всё оборвалось и покатило в пропасть.

Я бросилась бежать.

К крыльцу. К спасительному крыльцу, белому в любой темноте. Ноги не слушались, подкашивались, скользили по мокрой траве. Сорочка намочка, прилипла к бёдрам, мешала бежать. Ветки хлестали по лицу. Я не чувствовала боли. Только биение сердца в ушах и ледяной воздух, раздражающий горло.

Несколько метров. Ещё немного. Уже видна каменная дорожка. Уже близко.

И тогда на границе сада и двора, прямо на линии, где трава сменялась гравием, передо мной возникла фигура.

Чёрная. Огромная. Без лица.

Широкий капюшон, низко надвинутый на лоб, скрывал даже глаза — только пустота, только тень. Плечи — широкие, развёрнутые, словно у каменного изваяния. Ноги в высоких, грубых ботинках — тех самых, что оставили рифлёный след под кухонным окном, — стояли враскоряку, прочно, неколебимо. Просторные штаны. Худи, поглотившее свет.

Ни дыхания. Ни движения.

Я замерла, будто налетев на невидимую стену. Воздух застыл в лёгких. А фигура не двигалась. Просто стояла. И смотрела из-под капюшона. Я не видела глаз, но знала — смотрела.

Ветер стих. Сад замолчал. Даже трава перестала шевелиться. Только тишина — и чужое присутствие, плотное, как камень, как земля, что всё ещё тянула меня вниз.

Я открыла рот, чтобы закричать, но из горла не вырвалось ни звука.

Фигура медленно, очень медленно подняла руку. Из рукава показалась ладонь — бледная, с длинными пальцами. И протянула ко мне.

— Беги, — произнёс голос. Без интонации.

Я затравленно огляделась. Фигура качнулась и сделала шаг вперёд — тяжёлый, вдавливающий траву. Я развернулась и бросилась бежать вглубь сада. Ветки хлестали по лицу, трава путалась в ногах, а через несколько метров земля предательски скользнула под пяткой, и я рухнула. Удар вышиб дыхание. Я дёрнулась, попыталась подняться и обернулась через плечо.

Чёрные ботинки. Прямо перед лицом. Рифлёная подошва, влажная кожа, тяжёлые носки, вкопанные в грязь.

Он наклонился. Я заелозила по земле, пятки скользили, пальцы ломали мокрую траву, пытаюсь найти опору. Но сильные пальцы уже сомкнулись на горле. Рывок вверх — и колени оторвались от земли. Я захрипела, вцепившись в его запястье, но хватка была мертвой. Он поднимал меня, пока босые ступни не нащупали опору, и лишь тогда позволил сделать судорожный, обжигающий вдох.

Не отпуская горла, он толкнул меня назад. Спина впечаталась в ствол — холодная, шершавая кора впиалась в лопатки сквозь тонкую ткань сорочки. Я зажмурилась, ожидая: удар, лезвие, новый спазм на горле.

Тишина. Он медлил.

Я открыла глаза — и увидела металлический блеск. Серые. Стальные. Они показались мне знакомыми, но не цветом, а выражением: холодным, оценивающим, чужим. Взглядом, который не сулит пощады.

Я успела почувствовать его дыхание — горячее, близкое, — прежде чем его губы впились в мои. Мозг отключился. Провал. Тишина в голове. И следом, стыдно и невыносимо, — волна возбуждения, тугая, сметающая страх. Его язык проталкивался в мой рот, и я не отстранялась. Хуже — я подалась навстречу, выгибаясь дугой, сама себе пережимая горло его пальцами. Хватка стала тугой, воздуха почти не осталось, но тело не просило пощады.

Страх, стыд и желание кипели в груди одним жарким комом. Казалось, одно касание — куда угодно, к животу, к рёбрам — и меня разорвёт на части тут же, у ствола старой яблони.

Он это знал. И не двигался. Только губы, только язык. Только моё собственное горло, зажатое в его ладони.

А потом он отстранился.

Он отступил. Один шаг назад. Второй. Капюшон качнулся, и тьма сомкнулась за ним, поглотив без следа.

Мои губы дрожали. Горячая влага обожгла щёки, и я не сразу поняла, что плачу. Слёзы катились беззвучно, смешиваясь с ночной сыростью на коже. Я медленно, едва переставляя ноги, побрела к дому.

Ступени крыльца встретили холодом. Я поднялась по лестнице, оставляя за собой влажные следы босых ног. На пороге спальни замерла. Внутри горел ночник, и в его мягком, приглушённом свете Роман спал — глубоко, ровно, отвернувшись к стене. Он не слышал, как я вошла. Не слышал ни шагов, ни дыхания, ни тихих всхлипов.

Я легла на кровать прямо так — в мокрой сорочке, с грязными пятками, не заботясь о плеле. Тело гудело от усталости. Я была полностью разбита.

Утром я расскажу ему. Всё. Без подробностей о том, как отвечала на поцелуй. Но он должен знать: по нашему саду разгуливает чужак. Взрослый мужчина в капюшоне. И это вовсе не соседский мальчик. Мы вызовем полицию. И разберёмся наконец со всей этой чертовщиной.

Я закрыла глаза. И уснула быстрее, чем ожидала.

Глава 5

— Вставай, соня. День классный. Выходной, а ты решила дрыхнуть до обеда. Я уже позавтракать успел.

Голос Романа ворвался в сознание — лёгкий, почти певучий. Я с трудом разлепила веки. Солнечный свет заливал спальню, резал глаза, и на его фоне муж казался тёмным силуэтом. Он стоял у кровати с кружкой в руках и улыбался. От него пахло кофе и гелем для душа.

А потом нахлынуло.

Сад. Мокрая трава. Чёрная фигура в капюшоне. Падение. Пальцы на горле. Поцелуй. Я сглотнула, и горло отозвалось глухой болью — не резкой, но ощутимой, как напоминание.

Я перевела взгляд на свою руку, лежащую поверх одеяла. Чистая. Ни травинок, ни земли.

Он ждал ответа, но я не знала, с чего начать. Слова застревали, путались, а он смотрел на меня так беззаботно, что внутри всё сжалось от несоответствия — между его лёгкостью и моей ночью.

— Ром, — я села, придерживая одеяло у груди, — я должна тебе кое-что рассказать. Ночью... Я вышла в сад. Не спрашивай зачем, я не помню. Кажется, мне приснилось что-то, и я пошла проверить... В общем, там был мужчина. В капюшоне. Он преследовал меня. Я побежала, упала. А потом он схватил меня за горло и начал душить.

Улыбка медленно сползла с его лица — как тает лёд, от краёв к середине. Он поставил кружку на тумбочку, не глядя, чуть промахнувшись, и та звякнула о край. Потом сел на кровать. Матрас прогнулся под его весом, и я чуть качнулась в его сторону.

— Нужно вызвать полицию, — закончила я. Голос прозвучал тихо, но твёрдо.

Роман не ответил.

Вместо этого он поднял руку и отвёл прядь волос с моего лица — медленно, осторожно, как смахивают пыль с хрупкой вещи. Пальцы скользнули ниже, приподняли подбородок, и он наклонился к моей шее, разглядывая. Я замерла. Его взгляд был цепким, профессиональным — так врач осматривает пациента, когда ищет гематомы или следы укусов.

Он отпустил подбородок и взял мою левую руку, повернул ладонью вверх, потом вниз. Осмотрел запястье. Локоть. Перешёл на правую. Его движения были быстрыми и точными.

— Что ты делаешь? — выдохнула я, не узнавая собственного голоса.

Он уже откинул одеяло и бегло осмотрел мои колени, голени, щиколотки. Провёл пальцами по пяткам — кожа была чистой, без грязи, без царапин. Я ничего не понимала. Это походило на осмотр, который проводят, когда подозревают... Что? Что я всё выдумала? Что я не падала на землю?

— Ты слышишь, что я говорю? — мой голос дрогнул, но теперь не от страха, а от обиды.
— Почему ты молчишь?

Его молчание резало острее слов. Я ждала вспышки гнева, тревоги, чего угодно — только не этого бесстрастного изучения, будто я вещь, которую проверяют на дефекты. Жгучая обида поднялась от груди к горлу, и я почувствовала, как начинают гореть щёки.

— Роман!

Он наконец поднял глаза. И в них мелькнуло что-то странное — не страх за меня, не злость на чужака. Облегчение. Сдержанное, почти незаметное, но я уловила его в том, как разжались его плечи.

— Расскажи мне всё по порядку, — сказал он спокойно. — С самого начала. Только медленно.

— Почему ты пошла в сад? — спросил он. — Ты услышала что-то снаружи?

Его голос звучал ровно, без единой эмоции — ни тревоги, ни сочувствия. Только холодная, методичная интонация. Так спрашивает не муж, а следователь на допросе. Я поёжилась под одеялом.

— Я не помню, как оказалась в саду, — призналась я честно. — Кажется, это был приступ лунатизма.

— Такое случалось раньше? В детстве?

Он задавал вопросы тихо, почти без интонаций, и я отвечала — словно под гипнозом, словно не имела права промолчать.

— Нет. Никогда.

Роман кивнул. Его лицо оставалось спокойным, но взгляд стал острее.

— Что было дальше? Где именно он напал на тебя?

— Я бежала к крыльцу, а он преградил путь. — Я сглотнула. Горло всё ещё саднило при каждом слове. — Я упала, он схватил меня за горло и поднял. Я почти не могла дышать. Он огромный, Ром. Не соседский мальчик. Мужчина.

Взгляд Романа снова опустился на мою шею. Он прищурился, разглядывая, и я заметила, как дрогнули уголки его губ — не то раздражение, не то скепсис.

— Понятно, — протянул он. — А потом?

Я вскинула голову, чувствуя, как жгучая обида снова поднимается от груди к горлу. Он заметил мой рассерженный взгляд и прибавил — чуть мягче, но всё так же сдержанно:

— Не злись. Я просто пытаюсь разобраться.

— Он отпустил меня и ушёл, — продолжила я, сдерживая дрожь в голосе. — А я побежала в дом. Поднялась в спальню и легла. Я была полностью выжата. В каком-то ступоре. У меня не хватило сил даже разбудить тебя и всё рассказать. Прости.

Роман помолчал, глядя на меня в упор. Потом вздохнул и произнёс — спокойно, чуть наставительно:

— Ты забыла упомянуть, что, придя в дом, ты помылась и переоделась. Давай-ка вспоминай по порядку. Не пропуская ничего. Так тебе будет проще рассказать всё полиции.

Я возмущённо тряхнула головой.

— Я не...

И осеклась.

Мой взгляд упал на подол сорочки — белоснежный, без единого пятна. Спустился на чистые колени. Я подняла ладони к лицу, развернула их тыльной стороной — ни песчинки, ни следа травы, ни травинки под ногтями. Чисто. Слово и не было никакого падения. Никакой грязи. Никакой ночи.

Я уставилась на мужа, пытаюсь найти объяснение, и внутри всё похолодело.

— Как такое может быть? — прошептала я. — Я не вру, Ром. Я помню, как вошла в дом. Помню грязь на лестнице — следы от моих ног. Я сразу легла. Ничего не смывала. Ничего.

Роман сжал ладонями мои плечи и заглянул в глаза — теперь уже мягко, почти нежно.

— Это был сон, — сказал он тихо.

— Нет! Всё было реально!

Я невольно схватилась за горло, ища подтверждения. Пальцы нащупали тёплую кожу, но там, где должны были остаться следы от хватки, не было ничего. Ни отёка, ни царапин.

— Ты перенервничала, — продолжал он, поглаживая большими пальцами мои плечи. — Свадьба, переезд, новый дом. Всё это навалилось разом. Тебе приснился кошмар — до ужаса реалистичный, да. Но всего лишь сон.

Он немного помолчал, подбирая слова, и я заметила, как изменилось его лицо — теперь оно выражало не скепсис, а виноватую заботу.

— У меня есть знакомый психолог, — сказал он осторожно. — Хочешь, я ему позвоню? Он может посоветовать успокоительное или что-то ещё. Я слишком торопил тебя со свадьбой. Во всём этом есть и моя вина.

Я молчала, глядя на свои чистые ладони. Реальность двоилась. Пальцы до сих пор помнили холод коры и жар его губ. А глаза видели белоснежную ткань.

— Я не сошла с ума, — сказала я глухо.

— Конечно, нет. — Он наклонился и поцеловал меня в лоб. — Ты просто устала.

И когда он вышел из спальни, я осталась сидеть на кровати — с прямой спиной, с ледяными пальцами и с крошечным, ещё не оформленным в мысль осознанием: ночью на мне была другая сорочка. Не эта.

Он вернулся через минуту со стаканом апельсинового сока, но я уже стояла у окна, кутаясь в халат. Солнце заливало сад — мирный, ухоженный, ни следа ночного кошмара.

— Хочешь, сходим к соседям? — предложил он, протягивая мне стакан. — Поговорим насчёт того мальчика. Он здорово тебя напугал, возможно, этим и спровоцировал твои кошмары.

Я взяла сок, но пить не стала. Просто держала, чувствуя холод стекла.

— Не стоит, — ответила я. — Думаю, я скоро сама разберусь, что здесь происходит. В любом случае я всегда видела взрослого мужчину, а не ребёнка.

Роман нахмурился — не сердито, скорее озадаченно.

— Мы же не знаем, сколько лет сыну соседей. Может, он уже совершеннолетний. Никто не говорил, что это ребёнок. Я думаю, надо сходить и разобраться. Чтобы ты больше не боялась.

Я покачала головой, отставляя нетронутый сок на подоконник.

— Я больше не хочу об этом думать. У тебя выходной впервые за долгое время. Давай просто проведём его вместе.

Он смотрел на меня несколько секунд — изучающе, как утром, когда осматривал шею и руки. Потом выдохнул и улыбнулся уголками губ.

— Ладно, — согласился он. — Ты права. Давай сделаем этот день нашим.

Я прижалась к его плечу и позволила себе расслабиться. Хотя бы на время. Хотя бы до вечера. Потому что в глубине души я уже знала: к соседям я пойду. Одна. Просто не хочу, чтобы он знал об этом.

День мы провели так, как я и хотела: неспешно, вдвоём, без тревожных мыслей. Гуляли по набережной, зашли в книжный, потом пообедали на веранде ресторанчика с видом на реку. Роман шутил, был внимателен, и я почти забыла о ночном ужасе. Почти.

Ближе к закату мы остановились у парапета. Снизу, у самой воды, сидел парень с гитарой — совсем молодой, лет восемнадцать, не больше. Тёмные волосы падали на глаза, пальцы нервно перебирали струны, и он играл что-то медленное, чуть фальшивя, но старательно. Я засмотрелась. Не на него — на то, как сосредоточенно он хмурил брови, как прикусывал губу на сложных аккордах. В этом было что-то до боли знакомое: Марина в студенчестве точно так

же сидела над конспектами — лохматая, упрямая, с гитарой наперевес после пар. Она тогда всё порывалась научить меня играть, но у меня не хватало терпения.

— Нравится? — спросил Роман.

Я кивнула, не оборачиваясь.

— Иди к нему тогда.

Я повернулась, ожидая улыбки. Она была — уголки губ приподняты, но глаза остались спокойными, слишком спокойными для шутки.

— В смысле? — я усмехнулась, ещё не понимая.

— В прямом. Ты уже несколько минут на него смотришь. Может, хочешь подойти поближе?

Я рассмеялась, ткнула его локтем в бок, сказала что-то про глупую ревность. Он не ответил. Только взгляд метнулся к гитаристу — короткий, цепкий, фиксирующий. Так смотрят не на соперника — на помеху.

Мы пошли дальше, и он сразу заговорил о другом. Я поддерживала разговор, смеялась, кажется, даже шутила в ответ. Но до самого дома я ловила себя на том, что больше не смотрю по сторонам.

Глава 6

К соседям я так и не пошла.

Утром, когда солнце залило спальню и ночные страхи отступили, мне почти удалось убедить себя, что всё случившееся было лишь сном. Так я оправдала всё разом: и ночную беготню босиком, и грязь, которой не оказалось, и — самое стыдное — собственное неадекватное поведение во время насильственного поцелуя. Если это был кошмар, то и возбуждение — всего лишь игра спящего тела, тёмный каприз подсознания, за который не несут ответственности. Так было просто. Так было легче. Я ухватилась за эту мысль обеими руками.

Но когда Роман ушёл на работу, а солнце мягко залило сад, я всё же вышла из дома и направилась к яблоне.

К той самой. Где в моём кошмаре незнакомец прижимал меня к стволу и душил, а я отвечала на поцелуй так, будто ждала его всю жизнь.

Сад был умыт росой и полон птичьего гомона. Ничего зловещего — только свет, только зелень, только запах влажной земли. Я подошла к яблоне и остановилась. Кора была шершавой, тёплой с одного бока и ещё прохладной с другого. Я задумчиво провела по ней ладонью, а потом — сама не знаю зачем — прижалась спиной. Закрыла глаза.

И ощущение вернулось.

Не страх — его почти не осталось. А возбуждение. Даже сильнее, чем ночью, потому что теперь его не разбавлял панический ужас. Только жар, только память тела, которая ни в чём не сомневалась. Я облизала губы и резко тряхнула головой, прогоняя наваждение.

И тут увидела его.

Слева, под кустом колючей розы — той самой, что отказывалась цвести, сколько бы я её ни уговаривала, — сиротливо лежал маленький оранжевый квадрат. Стикер. Третий по счёту.

На одном из его уголков устроился слизень — серый, влажный, деловитый. Я брезгливо скинула его веточкой и только потом подняла листок. Бумага была сырой, почти прозрачной на сгибе. Ночная роса не пощадила маркер: буквы расплылись, но всё ещё читались.

«Верь мне».

Я перечитала дважды. Потом сунула стикер в карман и резко, не оглядываясь, зашагала к дому.

Это просто соседский парень, сказала я себе. Он ведёт со мной какую-то глупую игру. Зачем — не знаю. Может, ему одиноко. Может, он так общается. А поцелуй — кошмар. Всего лишь кошмар.

Я не взяла новый проект. Ни через неделю, ни через месяц. Вначале я оправдывала себя тем, что очень хочу рисовать. Раньше у меня почти не было на это времени — сплошные заказчики и чужие интерьеры. А теперь целые дни свободы и собственная мастерская. Раз в несколько дней я гордо демонстрировала мужу новую работу, торжественно вынося её из мастерской в гостиную, если позволяли размеры. Он откладывал телефон или книгу, откидывался в кресле и смотрел — внимательно, не перебивая. Иногда просил повернуть к свету. Я стояла рядом, переминаясь с ноги на ногу, пока он выносил вердикт.

Одна из работ — два на два метра, с изображением старой яблони на фоне кроваво-красного заката и девушки, закрывшей лицо руками, — теперь занимала почти всю стену мастерской. Роман даже пригласил рабочего, чтобы тот её повесил. Молчаливый мужчина с алюминиевой стремянкой пришёл во вторник, и через пол часа картина уже висела на стене.

Но на моё предложение воспользоваться услугами этого же рабочего, чтобы развесить остальные картины по всему дому, Роман ответил резковатым отказом.

— Я не говорю, что они мне не нравятся, дорогая. Но они абсолютно не вписываются в интерьер. Таким образом можно испортить не только вид комнат — с чем бы я смирился, — но и опозлить твои работы. А с этим я не могу смириться категорически.

Видимо, моё лицо выразило растерянность и недоверие, потому что он тут же добавил — мягче, с нажимом на «мы»:

— Когда картин станет достаточно, мы организуем тебе настоящую выставку. И они гордо займут своё место в галерее, с правильным освещением и достойными ценителями.

Глядя в его лицо, я так и не поняла, говорит ли он от всего сердца или просто смеётся надо мной. Уголки губ дрогнули, но глаза остались спокойными, оценивающими. Как в тот раз с гитаристом. Я промолчала.

После этого я перестала показывать ему свои картины. Законченные холсты ставила у стены и больше не выносила в гостиную. Но однажды он зашёл в мастерскую сам — без стука, по-хозяйски. Я вздрогнула от скрипа половицы. Он медленно переходил от одной стены к другой, вдоль которых стояли картины, и подолгу разглядывал их. Я замерла у мольберта, так и не положив кисть.

— Мне никогда не понять, — произнёс он наконец, — откуда в такой светлой и красивой головке такие тёмные образы.

Я не ответила. Он поцеловал меня в макушку и вышел. А я ещё долго стояла, глядя на закрытую дверь.

Много времени я проводила в саду, приводя его в порядок. Подрезала разросшиеся кусты, выпалывала сорняки, рыхлила слежавшуюся землю вокруг гортензий. Работа оказалась успокаивающей: руки заняты, голова пуста. Я облазила сад вдоль и поперёк, заглянула под каждый куст, обошла каждое дерево, но больше нигде не находила новых улик. Ни стикеров, ни сломанных веток, ни примятой травы.

Иногда на влажных участках земли попадались следы — размытые, без чёткого контура. Но они с таким же успехом могли принадлежать и мне: я то и дело ходила босиком, забывая обуться, и потом находила собственные отпечатки пяток и пальцев там, где не помнила, чтобы ступала. Вдавленных, рифлёных отпечатков ботинок больше не попадалось. Как и оранжевых стикеров. Как и силуэта под окном.

Сад молчал.

Между мной и мужем наступило отчуждение. Мы чувствовали его вдвоём — как чувствуют сквозняк в комнате, где неплотно прикрыто окно. Не ссоры, не обиды, а именно тихое, упорное затекание пустоты в те места, где раньше было тепло.

Я всё так же готовила ужин к его приходу. Стейки, паста, салат — по рецептам, которые он любил. Он приходил, целовал меня в щёку, мы садились за стол, и он рассказывал о том, как прошёл его день: встречи, партнёры, забавный случай на совещании. Я слушала, кивала, задавала вопросы. Но сама перестала рассказывать о том, как прошёл мой. Да и что мне было рассказать? Розы, картины, уборка? Он всегда слушал об этом вполуха — не из пренебрежения, а просто потому, что это было слишком далеко от его реальности. Я не могла его осуждать за это.

Между нами исчезла лёгкость. Раньше мы могли молчать и чувствовать себя ближе, чем после долгого разговора. Теперь молчание стало другим — тяжёлым, требующим заполнения. Я ловила себя на том, что подбираю слова, как подбирают ключи к замку, и от этого внутри всё сжималось.

Но я чувствовала и свою вину за это. Он не изменился — изменилась я. Стала более замкнутой, более настороженной. А он, кажется, просто не понимал, что делать с этой новой мной. И не знал, как поступить. Иногда я замечала, как он смотрит на меня — искоса, вопросительно, будто ждёт чего-то. Но я отводила взгляд, и он тоже отступал.

Так мы и жили — в одном доме, за одним столом, но каждый в своём лабиринте. И коридоры этих лабиринтов, кажется, больше не пересекались.

Однажды утром я проснулась от его робких, ласкающих движений. Ещё не открывая глаз, я почувствовала тепло его ладони на своём бедре — лёгкое, почти невесомое, как дыхание. Он касался меня так, будто пробовал воду: осторожно, медленно, готовый отступить в любую секунду. Я притворилась, что всё ещё сплю, не открывая глаз. Ресницы дрогнули, но я сдержалась.

Внутри всё затрепетало.

Он делает первый шаг навстречу. Сам. Без моих просьб, без разговоров, без выяснения кто прав, а кто виноват. И пускай я сама на него не решилась — слишком долго копила обиду, слишком трусливо отводила взгляд, — но теперь я поддержу его всеми силами. Я верну ту лёгкость, которую мы потеряли. Верну образ беззаботной озорной девчонки, в который он когда-то влюбился. Той, что рисовала апельсины, смеялась на набережной и не боялась его ревности.

Его пальцы скользнули ниже, стянули бретельку сорочки с плеча — медленно, почти лениво. Он легко пробежался по груди, едва касаясь, а потом сжал её более настойчиво — по-хозяйски, уверенно. Я продолжала дышать ровно, притворяясь спящей. Его ладонь двинулась дальше: скользнула по животу вниз и оттянула вбок край трусиков — осторожно, но без колебаний.

«Пора включаться в игру», — улыбнулась я мысленно и слегка потянулась, показывая, что просыпаюсь. Медленно, томно, как в кино. Потом открыла глаза.

Я не сразу поняла, что не так. Свет из окна, знакомый запах его кожи, тепло под одеялом — всё было правильным, привычным. Но когда поняла, по коже пробежал холодок.

Он гладил меня одной рукой. А второй снимал на телефон.

Экран был направлен на меня — на моё тело, на задранный подол сорочки, на его пальцы, оттягивающие кружево. Роман так сосредоточился на роли оператора, что даже не заметил моего пробуждения. Его лицо было спокойным, почти деловым.

— Что ты делаешь? — спросила я, даже не пытаюсь скрыть резкости в голосе.

Его брови удивлённо поползли вверх. Он перевёл взгляд на меня, но руку не убрал. И телефон не опустил.

— Снимаю сонную тебя на видео. Для семейного архива. Получается очень красиво.

Он говорил, продолжая свои движения, будто ничего не случилось. Будто телефон в его руке был чем-то само собой разумеющимся.

Я раздражённо сбросила его руку и села, поправляя сорочку.

— Вначале ты должен был спросить у меня согласие на всё это.

Он холодно улыбнулся. Не так, как улыбался в последнее время, — эта улыбка была старой, из первых недель знакомства, когда он ещё не притворялся мягче, чем есть.

— Я думал, замужество даёт некоторые привилегии. Тебе не кажется? Ты, видимо, не успела перестроиться. Свадьба была слишком стремительной. — Он сделал паузу, и его голос стал жёстче. — Или ты думаешь, я солью видео своей жены в интернет? Поделюсь им с друзьями?

Его раздражение росло, и я снова почувствовала укол вины — острый, знакомый, уже почти привычный. Может, и правда перегибаю? Может, это действительно нормально между мужем и женой?

— Тебя это заводит? — спросила я тише, глядя на телефон в его руке.

Он смущённо улыбнулся — совсем другой улыбкой, почти мальчишеской. И от этого перехода стало ещё тревожнее.

— Есть такое. Всегда мечтал это проделать. Но, как ты понимаешь, мало какая девушка согласится. Для этого нужен определённый уровень доверия. Я думал, между нами он есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.